

18+

Елизавета Молодых

НАЙДИ МЕНЯ В СВОИХ
ВОСПОМИНАНИЯХ

Елизавета Молодых

Найди меня в своих воспоминаниях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69167989

ISBN 9785005988393

Аннотация

Два года жизни – это много или мало? Может ли жизнь за этот срок измениться до неузнаваемости? Открыв глаза, Артур не узнал свою жизнь. Ведь все, что он помнит, старо и неправдиво. Все, что его окружает, неестественно и чуждо. В миг он остался один в мире, который отвернулся от него, оставив совсем пустым. У него нет прошлого, будущее туманно, а миг настоящего с каждым вдохом испаряется. Как восстановить эти два года? Как найти себя? Как вернуть любовь?

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Найди меня в своих воспоминаниях Елизавета Молодых

*«Если любви суждено стать незабываемой,
с первой же минуты к ней должны слетаться
случайности, как слетались птицы на плечи
Франциска Ассизского».*
Милан Кундера

© Елизавета Молодых, 2023

ISBN 978-5-0059-8839-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пробуждение

Артур

Белый. Невинность и чистота.

Белый. Пустота и поражение.

Белый. Вот, что я вижу первое, открыв глаза.

Белый везде. Он окружает, и в голове возникают шумы.

Ничего не понимаю.

Страх. Мне тяжело дышать. Я не чувствую тела, не могу произнести слов.

Ужас. Ощущаю тяжелый терновый венок на голове, который с каждым вдохом проникает все глубже.

Тепло. Чувствую кончиками пальцев что—то необъяснимо приятное, как флисовая ткань. Что это? Не могу разобрать.

Все тело как будто закаменело. Я — настоящая горгулья. Не чувствую своего тела, мысли разбросаны по комнате, как грязные носки.

И лишь тепло в кончиках пальцев ярко контрастирует в этой картине белого.

Поворот. Я не контролирую это, голова сама направляется в сторону источника тепла.

Фокус. Глаза пытаются разобрать что—то помимо всепоглощающего белого.

Солнце. Так ярко, стремительно и резко возникает пят-

ном на фоне этой картины, что непроизвольно шурюсь, как после взгляда на сварку. Перед глазами как будто действительно яркое пятно. Небесное раскаленное тело, дающее тепло и касающееся меня своими лучами. И это единственное, что я чувствую.

Голос. Какие—то шумы доходят до моего сознания. Но как бы я ни пытался разобрать слова, ничего не получается. Это один голос или несколько? Мужской или женский? Точно, женский, довольно молодой, приятный. Такой голос обычно у мамы, когда тебе десять, и ты принес домой маленького котенка, которого подобрал на улице.

Знакомый? Вот только что он говорит – загадка.

«Арт».

Арт? Это я? Точно я. Мое имя. Кто меня позвал?

«Артур».

Кто—то требовательно зовет меня снова, вот только куда? Куда идти? Везде белый. Давление на кончиках пальцев усиливается и передается уже прямо по руке. Прикосновение обжигает. Все выше и выше, и я чувствую это тепло. Оно проникает прямо в сердце, от чего резко становится жарко.

«Это я, Арт».

Кто «я»? Кто ты, загадочный голос? Почему ты такой знакомый, но такой далекий и от этого губительно болезненный? Ты знаешь мое имя, и знаешь, что я точно его узнаю, однако для меня это всего лишь шум, тембр, который может принадлежать любому человеку. Просто гость в... А где я?

Что это за место? У меня дома потолок не такой, не такие лампочки, совершенно другие тона. Если это не дом, тогда где я? я

Паника. Господи, что происходит, помогите, помогите.

Кто—то услышал меня? Я сказал это вслух? Помогите, помогите, помогите.

Тепло исчезло.

Перед глазами нет больше солнца.

Я больше не слышу голос, не слышу своего имени.

Все замерло.

Лишь всеобъемлющий белый. И мое неподвижное тело.

– Артур, вы слышите меня? – голос, другой, мужской, так резко ворвался в эту картину мира, что непроизвольно дергаюсь. Или нет. Не знаю. Пытаюсь рассмотреть этот источник шума. Глаза, как назло, не дают никакой полезной информации. Какие—то пятна, все размыто. Усиленно моргаю, чтобы хоть что—то разглядеть. Вот вроде голова, коричневые волосы, четыре глаза, два рта и носа. Стоп, что?

– Он кричал «помогите», доктор, и я побежала за вами, – еще и еще моргать. Нет, все—таки два глаза и один нос. Даже милые усы над верхней губой. А откуда второй голос? Тот самый голос знакомой незнакомки. Поворачиваю голову, но это дается с таким усилием, как будто она весит сто килограммов. И тут же опять щурюсь. Такая вспышка, что жжет глазницы. Ничего опять не вижу, пустота. Однако меня услышали, значит я все—таки что—то сказал. Значит может

получиться еще раз.

– Кто ты? – это мой голос? Это я говорю или кто—то третий есть в комнате? Мой голос не такой охрипший и низкий. Этот голос мне незнаком.

– Артур, вы слышите нас? – да, конечно, слышу и вижу, но как вам об этом сказать. Я тут! Я заперт в своем теле, и все, что я могу, лишь кричать сам себе. А может я просто схожу с ума? Может это пранк? Или я умер и попал на небеса? Ад? Да, навряд ли, рай выглядит так, да и у Бога не думаю, что есть усы. Я точно на Земле. Пока что.

– Артур, если вы слышите нас, кивните головой.

Давай, Артур, соберись. Поворот.

– Отлично. Артур, вы знаете, где вы находитесь?

Нет, не знаю, расскажите мне, пожалуйста, а то мне кажется, что я лишился рассудка. Поворот.

– Артур, вы находитесь в больнице города Санкт—Петербург. Вы поступили к нам после ДТП. Вы что—то помните об этом?

ДТП? Что? Нет, это шутки какие—то. За десять лет стажа за рулем у меня не было даже мелкого происшествия. Это точно все происходит не со мной. Это какой—то нелепый фильм. Наверно, все—таки пранк. Точно, розыгрыш к моему дню рождения. Стоп, а какое число сегодня?

– Артур, сегодня двадцать пятое марта две тысячи двадцать второго года.

– Как две тысячи двадцать второй?

– Вы можете говорить спокойно, скажите, как ваше самочувствие? – как это две тысячи двадцать второй? Нет, этого не может быть. Да, что тут происходит. Что это все значит? Стоит задать им все эти вопросы. Врач и девушка. Низкий, почти лысый, в очках. Незнакомый. Красивая, молодая, рыжая. Незнакомая.

– Не знаю, все тело каменное.

– У вас черепно—мозговая травма средней тяжести, ушиб грудной клетки с единичным перелом ребра. Сейчас ваше состояние оценивается, как стабильное, мы ждали вашего пробуждения.

ДТП, травмы, больница, врачи, это все происходит со мной?

– Я не помню этого.

– Вы помните вашу фамилию и год рождения?

– Да, Артур Сергеевич Порохов, двадцать третьего марта одна тысяча девятьсот девяностого года.

– Хорошо, что последнее вы помните?

А что я последнее помню? Да, сосредоточься Артур, черт тебя побери. Котенка Барсика мама все—таки разрешила оставить, а папа наругал и поставил в угол, Марина Николаевна поставила двойку за контрольную, Юля отказалась пойти гулять, костюм для выпускного немного большой в плечах, провалил вступительные в Москву, опоздал на самолет, теплое море, рядом красивая девушка, закат на крыше цвета вишни и пустота. Я не могу зацепиться за какой—то фраг-

мент. Смотрю на воспоминания, как на разорванную киноленту, и пытаюсь понять, на каком моменте я поставил жизнь на паузу. Что именно было последним. Офис? Нет, не то. Вагон сапсана? Нет, не то. Думай, думай, думай.

Белый.

– Белая парадная моего дома, я вышел, сел в автомобиль. Все.

– Когда это было?

– Вчера?

– Артур, вы были без сознания три дня.

– Я точно помню, я сел за руль моей машины, черный Volkswagen Teramont.

– Какая машина? – я совсем забыл, что незнакомка все еще в комнате. Но, услышав ее голос, сразу стало как—то легче. – Он продал ее два года назад.

Но, услышав ее голос, сразу стало как—то больно.

– Артур, вы четко помните именно эту машину?

– Конечно, что это еще может быть, я же не память потерял, чтоб такое не помнить. Или?

– Александра, вы уверены, что у него сейчас другая машина?

Так ее зовут Александра. Красивое имя. Таинственная незнакомка обрела полноценный образ. Откуда она знает, что у меня другая машина. Кто она?

Конечно, вот у меня вторые ключи в сумке. Сейчас он ездит на белом Volvo XC40. –

– Артур, вы понимаете, что это значит?

– Я не понимаю ничего, что вы говорите: сейчас две тысячи двадцать второй год, хотя вчера я был в две тысячи двадцатом. Вы говорите, что я попал в ДТП, хотя за десять лет ни разу не было ни одного. Какая—та девушка называет меня по имени, хотя я вижу ее в первый раз в жизни, так что постарайтесь все—таки объяснить, что сейчас происходит.

– Для начала прошу вас успокоиться.

– Уж поверьте я спокоен, как удав. Я же всего лишь не помню ни черта.

– Вот именно. Вы не помните. После травм головы нередко бывают признаки посттравматической амнезии.

В ушах звучит гонг. Тело пробивает дрожь. Я на ринге: я и моя тень. Удар за ударом – теряю контроль. Падаю. Смотрю в глаза противнику. А в его синеве лишь одно – жизнь.

– Артур Сергеевич, это, возможно, временно.

– Возможно? Я не помню два года. Вы это понимаете?

Он что—то еще рассказывает, но это уже не имеет смысла. Я все понял.

Я не помню два года жизни. Два лета, две осени, две зимы и две весны. Я не помню себя.

Как там моя дочь? Как работа? Кто сейчас президент? Какой курс валюты? Кто стал чемпионом мира по футболу? Смог ли любимый актер взять Оскар? Что произошло с этим миром за два года? Что стало со мной за эти два года? Кто я? Может я стал великим, или же потерял все, что дорого.

А может это дорого больше не стоит того, чтобы ради него просыпаться по утрам. Может моего вечного двигателя больше не существует. Или я нашел источник сил где—то еще. Столько вопросов, на которые у меня лишь один ответ — я не знаю. Точнее знал, проживал эти моменты вместе с любимыми людьми, переживал, стремился, мечтал, горел, сдавался, боялся, жил. Просто жил, не думая, что мои воспоминания могут забрать, удалить и вычеркнуть из памяти, из моей жизни, из меня.

У меня забрали меня. Я больше не Артур Порохов. Точнее Артур Порохов без семисот тридцати дней. Артур Порохов, разбившийся на осколки от смертоносного вихря под названием Фатум. Разбившегося на белом Volvo так и не доехавший в пункт назначения.

Куда я ехал остается загадкой. Бежал или убегал тоже не ясно. Но оказался в тут. Приехал.

— Арт? — Александра рядом, ее нежный голос появляется, как пожарная сирена. И это «» так ласкает уши. Она вся такая яркая, черты лица такие узнаваемые, как будто передо мной хорошо знакомый человек, но стоит он за оргстеклом. Знаете, бывает вы смотрите на человека, вспоминаете какие—то совместные моменты, в голове всплывают образы, картинки о вашем совместном времяпрепровождении, а сейчас передо мной прекрасная девушка с рыжими волосами, и ничего больше не всплывает в сознании. Пытаюсь напрячься, может все—таки хоть что—то. Ничего. Дымка не ухо-

дит, и мне остается лишь гадать, кто она такая. Как будто она есть сейчас, однако в прошлом не могу отыскать ее следов. Но лишь ее голос ведет меня через этот вакуум. *Арт*

Александра

– Арт?

Сколько раз я уже произнесла твое имя? В ответ была тишина. Я провела в этом помещении все дни. И все эти долгие, темные и пустые дни я слышала лишь тишину. Ты молчал, и мне казалось весь мир замер. Все застыло вместе с тобой. Мы оказались вне пространства и времени, и все, что было сейчас для меня важно в этой вселенной – эта палата с лежащим в ней телом.

Это тело с десятком прикрепленных проводов, с бледной кожей, на которой еще ярче виднелись синяки, и, накрытое этим нелепым розовым одеялом, было самым драгоценным. Иногда мне казалось, что и ничего больше не существует. Я лежала там с тобой под этим розовым одеялом. И все чего мне хотелось – это услышать твой голос. Никакие другие голоса не могли заменить мне тот самый родной, бархатистый бас любимого человека. Потом были долгие разговоры с врачами, которые не давали прогнозов после пробуждения. Но это было неважно. Одно только слово «пробуждение» заставляло меня каждый день, час за часом сидеть в изголовье твоей кровати и держать твою руку, чтобы не пропустить тот самый момент встречи. Ведь, чем дольше разлука, тем слаще встреча.

Когда впервые за это долгое время молчания, я услышала твой голос, последнее, что я предполагало услышать, так это – кто ты?

Для всего мира я – Александра Ежова, успешный менеджер крупного издательства, умелая хозяйка, заботливая девушка Артура Порохова. Но для тебя я – девушка с рыжими волосами, которая так нежно держит руку, которая разговаривает с врачом и стоит в изголовье кровати. **Для тебя я была никем.**

– Александра, простите, я не понимаю, что тут происходит.

«Александра», так непривычно слышать именно эту вариацию моего имени из твоих уст. Сашенька, ежик, любимая. Но «Александра» больно бьет, как будто я иду по раскаленным углям, и с каждым шагом ожогов на ступнях становится лишь больше.

Ты не знаешь других версий моего имени. Ты не помнишь, как впервые назвал меня Сашенькой в лифте, как мило гладил по голове, называя ежиком и прося убрать колючки, как каждый день, просыпаясь в нашей кровати, целовал меня, называя любимой. Ты просто не помнишь.

– Эм, да, Артур, честно говоря, все это так странно, – пытаюсь совладать с эмоциями, ему нужен покой, он наверняка в еще большем шоке от произошедшего, я нужна ему сильная, он не должен видеть мою потерянность. – Ты попал в аварию, мне сразу позвонили, и как только я примчалась,

ты уже был без сознания. Я очень ждала твоего пробуждения, все мы, точнее.

– Кто вы? Кто ты такая, Саша?

Я – твоя девушка, с которой ты живешь последние два года, которая готовит тебе каждое утро твой любимый кофе с корицей, которая каждое воскресенье меняет постельное белье, потому что ты не можешь спать больше недели на одном.

Я – твой личный менеджер в издательстве, держу твою руку, когда ты отправляешь в печать свои книги, забираю из типографии первую готовую партию.

Я – Александра Ежова, и я – твоя.

– Арт, Артур, я...

Хлопок двери заставляет меня вздрогнуть. Глаза сразу устремляются к источнику, который так грубо ворвался в нашу беседу. На пороге этой самой палаты, через которую я каждый день входила к тебе, стоит она.

Не одна я заметила ее появление, ты вытянулся к двери и сделал то, что приносит гораздо большую боль, чем ожоги – произнес имя.

– Алена?

Он помнит? Он что—то вспомнил? Нет, он просто помнит **ее**.

Такое чувство, что я получаю удары, как в боксе. Твои точечно отмеренные апперкоты и мои сломанные кости.

Пять букв, одно имя, которое даже после травмы головы

и потери памяти помнишь всегда, одно имя, но не мое.

Для все мира она – Алена Порохова, востребованный фотограф, хорошая и заботливая мать, бывшая жена Артура Порохова. Но для тебя она – твоя законная супруга, растившая с тобой вашу милую дочку. Потому что для тебя есть только она. **Для тебя она была всем.**

После всего, что произошло, после всех этих дней она появляется в этой комнате, словно звонок давно не работающего телефона. Хотя причем тут я. Это его жизнь, его боль и его память. Вот только больно мне. Физически больно. Но физическая боль лучше моральной. Она проходит рано или поздно, принося за собой покой. Но кто заделает дыру в моем сердце, кто заткнет этот ураган, блуждающий в моей голове. Только ты. Ты всегда это делал. Потому что ты из железа, а я из картона. Ты спасал меня, когда я тонула. Я тянулась за тобой наверх, и всплывала, держа твою руку. Ты сильнее меня. Я следую за тобой по этой дороге жизни. Ты закрывал меня от всех пуль. Ты, ты и только ты. Но кто же теперь поможет мне? А важно ли это сейчас? Когда ты лежишь без двух лет жизни в объятьях Мнемозины. Теперь я должна протянуть тебе свою руку, поднять со дна и воскресить. И я, наверно, готова на это, готова быть сильной для тебя, готова преодолеть все трудности ради тебя, ради нас. Сидя на этой кровати, я представляла миллион ситуаций, как дальше сложится наша жизнь уже после твоего пробуждения. Иронично, что я ни разу не подумала о том, что ты просто похоронишь

меня заживо одним лишь словом. Я не знаю, что случится после, и как мы будем выбираться из этой дыры. Но одно я знаю точно, как раньше не будет.

– Артурик, как ты, мы так волновались? Столько надумали. Как хорошо, что ты очнулся, а то Алиска мне все вопросами закидала: где папа?

– Алена, господи, наконец—то ты пришла. Я не понимаю, что происходит сейчас и произошло три дня назад.

Моя боль только усиливается. Ему страшно, я вижу. Я чувствую. Я чувствую его кончиками пальцев, я знаю, о чем он думает, что хочет сказать. Потому что он не просто мой партнер, спутник жизни, он – часть меня, я состою из него. Он проник так глубоко, что я уже не знаю, где границы его жизни и моей. Не знаю, хорошо или плохо это – так тонуть в человеке. Но я сознательно погружаюсь в него, потому что соль его моря мне заменяет сахар.

Он ищет ответы, но не у того адресата. Поверни голову, спроси меня, я расскажу тебе все, что было, все, что случилось, потому что это все было наше. У тебя украли не только твои воспоминания, у тебя забрали наши. Тебе страшно, не скрывай это.

– Алена, мне страшно.

– Ты чего, это просто ДТП, небольшие травмы, считай отпуск от работы. Я пришла поговорить с тобой о нашем деле.

– Алена, это не просто ДТП. Мне сказали, что я не помню два года.

– Что?

– Я не помню два года.

Такого лица у Алены я не видела никогда. За сменой эмоций невозможно успеть. Тут все: боль, радость, беспокойство, страх, желание.

– Но я так рад тебя видеть. Кого—то знакомого и родного.

Вот теперь точно радость. Она ждала этих слов все два года. Ее тяжелые карие глаза устремлены на меня, как бы спрашивая: слышала? К сожалению, слышала, и даже почувствовала, так сильно, что еле держусь на ногах. Больно смотреть на ее шелковистые волосы, которые всегда уложены, на идеальный макияж, на дорогую одежду по последней моде, которая прекрасно сидит на хорошей фигуре, больно натекаться на эти пустые, безэмоциональные, такие глубоко пронзающие глаза цвета горького шоколада. Такого горького, что невольно скручивает живот. Но еще больнее наконец—то видеть его улыбку, которую я так ждала все это время.

Почему я не радуюсь, видя его счастье? Потому что это не наше счастье, потому что это счастье дарю ему не я.

– Артуруик, и я рада тебя видеть.

Нежные объятия, невесомый поцелуй на щеке, крепко держащая руку рука. Только рука не моя, да и ты не мой. А вот слезы, медленно текущие из глаз, мои.

– Алена, а кто такая Александра?

– Ах, Александра, – карие глаза опять пронизывают меня, и я теряюсь в их омуте. – Она твой личный помощник, ме-

неджер в издательстве.

И все? Это все что ты скажешь обо мне?

– Артур, я не совсем...

– А я думаю, почему вы мне так знакомы, а тут вот оно как, видимо мы стали работать вместе не так давно, спасибо, что были рядом. Но я бы хотел поговорить со своей женой.

Я еще не твоя жена. Или? Женой. Конечно, для тебя Алена – жена. Для тебя – ты не развелся с ней, для тебя – ты не переехал ко мне, для тебя – она твоя жена, и ты, конечно, хочешь поговорить с ней. А как же я?

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – я смотрю в такие родные глаза, цвета неба после весенней грозы и не могу поверить, что самый близкий человек просто выгоняет меня. Меня, ту, которая была с ним тогда, сейчас и готова и дальше держать его руку. Родной, как так случилось, что не я тебе нужна, что не со мной хочешь поговорить? Как так случилось, что ты выгоняешь меня, не помнишь меня, говоришь не со мной?

– Да, – голос тверд, слова четки и это убивает. – Спасибо, Александра, мы с вами свяжемся.

Улыбка, самая родная, и от этого так больно. Почему после твоего пробуждения мне так больно? Я должна радоваться, смеяться, мы должны лежать, разговаривать. Но ты выбираешь ее. А все, что остается мне, покинуть этот сотканый из радости и отчаяния мирок. Последний взгляд на палату, которая за эти дни заменила мне дом, но лучше бы я этого не делала. Натыкаюсь на такую милую картину: Алена сидит

возле тебя и нежно гладит по руке, а ты улыбаешься во все тридцать два зуба. Семейная идиллия, скажет любой. Муж и жена, воссоединение. Но вот только он ей не муж, а она уже давно не его законная супруга. И мое место там. Однако, почему—то именно я нахожусь за дверью палаты, становясь сторонним наблюдателем. Просто менеджер, просто помощник, . **НИКТО**

Пора уже свыкнуться с этой мыслью, принять неизбежное. Это случилось. Это правда, и эта настоящая реальность, как бы ни хотелось от нее убежать или скрыться. И я убегаю из этой палаты, подальше от тебя, себя, нас. Убегаю с мыслью, что сейчас я вернусь в наш дом, в котором все также, после того как ты ушел, приму душ, лягу в нашу кровать, и буду думать лишь об одном: ты не помнишь два года, ты не помнишь себя, меня, нас.

Артур

Я лечу.

Крылья за моей спиной не дают мне упасть. И взмываю все выше и выше. Мне так легко и так хорошо. Здесь я чувствую себя свободным. Свобода от дел, проблем и от нее. Я так устал что—то доказывать, быть хорошим или плохим, хочется быть просто свободным, самим собой. Потому что, несмотря на все твои старания, твое нутро выйдет наружу, как бы глубоко и долго ты его не прятал. Ты разобьешься вдребезги, маска спадет, и все станет ясно. Так случилось и со мной.

Я устал быть тем, кем меня хотят видеть жена, дочь, коллеги. Представления обо мне разрушились, и я освободился от сдавливающей меня груды образов себя. И полетел.

Я все еще лечу. Я не могу, да и не хочу останавливаться. Зачем? Для чего? Для кого? Небо так тянет, так и хочется коснуться руками этих облаков. Выше, выше, выше.

Я продолжаю полет. Потокам ветра меня не остановить, такое чувство, что я что—то ищу, мне чего—то не хватает. В этом огромном пространстве, состоящем из тысячи миллионов частиц, где—то есть что—то так нужное мне. Я в растерянности, но все, что мне остается, так это взмывать прямо в небеса.

Еще один взмах в бесконечность. Кажется выше уже некуда, да и незачем, но что—то не дает покоя, как будто забрали часть меня, последнюю деталь конструктора, двадцать четвертый кадр. И только сейчас я заметил, что потерял, в моей груди дыра, а на месте сердца пустота. По всем законам физики, все, что падает, стремится силой притяжения к центру земли. Значит мне надо вниз. Обратное. На землю. Но я уже так высоко. Как мне вернуться?

Взмах за взмахом. Нет, это небо уже не манит, я не хочу быть здесь просто тенью, мне нужно сердце. Но эти крылья, эти проклятые крылья летят все выше. А слезы из моих глаз текут все ниже.

— Я где то между отчаянием и надеждой. Не понимаю, от чего так больно, но так хорошо. Я лечу прямо в лапы

к яркому гиганту.

— Встреча с солнцем. Меня затягивает в него все сильнее и сильнее. Нежные руки обволакивают меня, легкие прикосновения к моей коже, так напоминающие поцелуи, смех в моих ушах, такой живой, настоящий, что я погружаюсь полностью. Меня затягивает в эту полную света чашу. Она наполняет меня изнутри, и я ничего не могу, кроме того, как покорно погружаться все глубже и глубже. Но мне не больно, мне хочется смеяться, хочется парить и танцевать. Такое ощущение, что от дыры в моем сердце ничего не осталось, в груди опять что—то чувствует, живет. Что—то бьется, сильно сильно, как будто пульс двести. Еще немного и не выдержу, еще чуть—чуть, и я больше не увижу землю. Там пусто, холодно, низко. Сейчас тепло, необходимо, высоко. Я сгораю заживо в потоке этих лучей. Я знаю, что умру, но мне не страшно. Лишь бы только в объятьях, лишь бы только чувствовать это сердцебиение хотя бы еще минуточку.

И я умираю.

Чтобы снова когда—нибудь воскреснуть.

Я умер? Пред глазами все плывет, но я усиленно моргаю, чтобы снять наваждение. И наконец—то получается. Это не рай, и даже не ад. Это просто моя палата. И все тот же белый потолок. Почему—то в моей картине мира, в котором я сейчас живу, в моей палате, существует только потолок. Как не очнись, так перед глазами он. А может тут и нет ничего кроме этого белого. Да нет. Вот вроде бы кровать, кстати,

достаточно приятная, стены мятного цвета, наверно, потому что зеленый успокаивает, особенно таких буйных пациентов, как я. Вот еще и шкаф с тумбочкой. Впрочем, обычная палата, один странный элемент во всей этой обстановки. Это я. Я не должен быть здесь. Как меня занесло на эту койку — непонятно. Мое подсознание, как назло, молчит. Но разве такое возможно не помнить, что было с тобой?

Как мне вспомнить себя? Может, конечно, Алена и раскроет мне какие—то аспекты моей потерянной жизни, но ведь ни она, никто другой не проживали этот момент, это был я, и только я могу ощущать те или иные эмоции, а они могут лишь догадываться, декларируя лишь факты, произошедшие со мной. Издал две новые книги, открыл литературную школу для молодых авторов, попал в список топ—десять современных писателей России, расширил штат сотрудников в издательстве. Факты, лишь голые факты, но никто так и не сказал, радовался ли я номинации, переживал ли с публикацией новых романов, легко ли мне далось принять новых сотрудников. Хочется верить, что я был самим собой и радовался успехам, переживал из—за неудач, стремился стать лучше.

Но это лишь одна сторона моей жизни. А как же моя семья? Я не мог расспросить об этом Алену, ей и так тяжело осознать всю ситуацию. Я видел ее шок, когда она зашла в палату. Но кто—то же должен мне помочь вспомнить. Кто — то же был со мной эти два года. Может набрать Яна?

Он же мой лучший друг, он точно должен знать, как дела у меня в семье. Удалось ли нам с Аленой пережить наш кризис, помогли ли походы к семейному психологу. Может он мне расскажет и про Алису? Крестный папа клянется всегда быть с ней, всегда помогать и любить, как родную. Быть для нее оберегом от темных сил или хищником, пожирающим ее врагов. Он таким и был. Приходил на каждый ее день рождения, всегда был тем, кем нужно: любимой погремушкой, самым вкусным пюре или теплым одеялом. Первый ее годик вообще почти каждый день приезжал к нам, у меня было много работы, а он все время помогал Алене с Алисой. Ей уже три, она знатно подросла, а Ян все также сильно любит ее. Стоп, ей уже не три. Ей три в моих воспоминаниях. А в жизни ей уже пять. Я столько всего потерял. Забыл ее первый поход в садик, не помню, как она, наверно, носилась по дому и танцевала или может пела, я не могу вспомнить, как она выглядит сейчас в пять лет. Я не могу вспомнить, как выглядит моя дочь. Это так ужасно звучит. И не только звучит, оно таким и является. Ян то должен знать. Мы знаем друг друга уже много лет, вместе с института. Мир имеет свойство меняться. Люди имеют привычку меняться. Может и мы уже не прежние, может и наши судьбы стали параллельными. Я точно помню, что он всегда хотел переехать в Москву, ему не нравился дождливый Питер с его серостью и туманностью, он находил его чересчур драматичным для жизни. Но его всегда что—то останавливало здесь, задерживало

переезды, работа или новая девушка. Может в эти два года он все—таки собралась и уехал, поэтому мы больше не «могучая кучка»? Тогда, кто, как ни он, сможет помочь мне.

Может Александра? Ее голос так знаком мне, его хочется слушать, а ее черты лица напоминают мне что—то давно забытое. Она притягивает к себе так же, как Адам стремится к Богу—Отцу. Хотя она так не похожа на Алену. От нее веет теплом, уютom и каким—то приятным чувством дома. Но почему—то я не могу вспомнить ни одного совместно прожитого момента. Саша появилась так резко в моем мире, что я не успел заметить, как она заполнила все пространство в комнате. Появилось что—то кроме белого.

Хотелось ей верить. Может она сможет мне раскрыть какие—то тайны, недоступные мне сейчас. Она знает, что я сменил машину, значит была рядом. Рядом. Хотелось бы верить, что кто—то был рядом со мной. В суровом климате жизни одному не справиться. Я много пытался бороться с волей случая. И куда он меня привел? На больничную койку, на которой лежит тело, потерянное, одинокое, не помнящее себя.

Сколько бы ни прошло времени, мне всегда будет мало, чтобы осознать, то, что со мной произошло. Настенные часы показывали уже пять, я заметил, что в окно начали проникать первый лучи солнца. Первые лучи, которые я встречу, после всего произошедшего. Я не знаю, могу ли я встать, но в момент так захотелось стать ближе к этим потокам, про-

пустить их через себя. Почувствовать хоть что—то в новом состоянии.

Я был бы не я, если бы не пробовал встать. Откинув оде-
ло, пробую для начала сесть. На удивление получается весь-
ма недурно. Конечно, немного штормит, без этого никуда.
Но шторм лишь вызов для капитана. Пора делать шаг. Встав,
я в полной мере чувствую свое тело. Действительно, теперь
верю, что авария была. Ноет каждый сустав, каждая косточ-
ка да и синяки еще долго будут напоминать мне об этом ин-
циденте. Но, встав на ноги, мне на секунду показалось, что
все как раньше: я стою, дышу, я – снова я. Так устроено наше
сознание: воспринимает действительность под углом, кото-
рый мы хотим видеть. Вот и видим, только то, что хочется,
а не то, что нужно.

Я не тот человек, кем бы хотел быть в данную минуту вре-
мени. И это факт. Как и факт то, что я сейчас стою у ок-
на, в которое пробиваются первые лучи солнца. Весна, март,
солнце уже греет. Закрыв глаза, я наполняю себя этим теп-
лым потоком. Он окружает, забирается прямо под кожу, об-
волакивая. Как будто нежные руки крепко прижимают ме-
ня к себе, легкое касание ветерка из форточки напоминает
влажные поцелуи. Это так знакомо, и так правильно, что я
не могу отделать от ощущения, что помню эти руки и губы.

#####Александра

Первые лучи касаются моего лица, нежно заставляя
проснуться. Вот начинается новый день. Хотя я еще не ото-

шла от предыдущего. Ощущаю себя абсолютно разбитой, тело предательски болит. Эта боль так хочет, чтобы ее чувствовали. Но тело – это всего лишь средство передвижение и транспортировки, а вот центр управления скрывается глубоко внутри меня. Это не заштопать, не запить таблеткой, не выключить, это будет с тобой всегда, каждый вздох и выдох, каждое движение ресниц, изо дня в день, каждую минуту и секунду, твое подсознание будет напоминать тебе, чего ты лишился. Остается только переболеть. Пережить. Но как это возможно, если кажется, что вот я поверну голову направо, а рядом любимое лицо. Нежный голос прошепчет: «». На кухне уже будет остывать наш завтрак, а на губах гореть поцелуй. Может этому завтраку и не суждено будет отправиться в желудок, а мы отправимся по делам, сразу выйдя из дома, пробегая целый день. Потом будет тихий вечер, возможно с бокалом любимого вина и за просмотром очередного фильма, или мы проведем вечер в компании друзей. Затем тебе придет гениальная мысль и срочно потребуются ее записать, и ты проторчишь за компьютером всю ночь, чтобы на утро все повторить опять. *Любимая, просытайся*

И я решаюсь на поворот головы. Передо мной белая подушка, с кухни не доносится журчание масла, из крана в душе не льет вода, да и во всей квартире никого нет. Я одна. Вокруг меня оглушительное одиночество, что не вольно закрываю уши. Здесь теперь только моя тень, отражающаяся на твоей белой подушке. Если никто не сказал мне с утра

милых слов, тогда зачем начинать этот день без этого. Зачем, для чего, для кого я должна вставать, если весь мой мир покинул меня, разбился семь дней назад и оставил осколки на дне подсознания.

Солнце все также ласкает мое тело, заряжая меня энергией. В любое другое утро я бы вскрикнула от радости, что наконец—то весна, но сейчас тоже хочется кричать, кричать так сильно, чтобы заглушить навязчивый голос внутри себя, вторящий: «Конец, это конец, у тебя ничего не осталось, у тебя все забрали». И вроде надо начинать этот день, краситься, наряжаться, опять идти на работу. Но даже это у меня забрали, он унес с собой даже мое место в издательстве. Полностью вычеркнул меня из жизни. Как будто и не существовало. А может и правда? Я все это придумала. Может я его выдумала? Нафантазировала себе красивую историю, где молодой, красивый, перспективный писатель на пике своей карьеры влюбляется в свою помощницу, начинает строить с ней все с нуля, деля на двоих и радость, и горе. Да, может я и выдумала это все, но мужской костюм, висящий на дверце шкафа, аромат его духов, зубные принадлежности постороннего, даже бритва, все это – реальные, не метафизические предметы. Их можно потрогать, ощутить и поверить в их существование. Во всей этой обстановке нет ничего лишнего, есть недостающее. Так что если и сошел кто—то с ума, так это этот мир, сыгравший со мной в такую злую шутку.

Земля все еще крутится, мир живет, горизонт событий

не насупил, как бы не хотелось, поэтому пора начинать этот день. Не знаю, хорошая эта затея или нет, но выбора мне никто не оставил. Поднимаю свое брненное тело и несу его в ванную. Кто здесь повесил это огромное зеркало? Хочется разбить его и все зеркала в мире, потому что видеть себя такой ужасно. Девушка, смотрящая на меня по ту сторону отражения, так непохожа на меня. Когда я стала такой? Волосы растрепаны, точнее так и не расчесаны со вчера или позавчера, не помню, круги под глазами, диван в палате, не лучшее место для сна, ну и, конечно, глаза. Потухшие, пустые, безжизненные. Мои зеленые, когда—то горящие, твою любимые очи, напоминали мне теперь лишь ушедшее прошлое. Я видела в этом маленьком отражении всю нашу историю.

Снег шел уже третий день, а солнце уже давно покинуло горизонт, улетев в отпуск. Сегодня для меня важный день, поэтому лучшее платье, лучший макияж и лучшая версия меня. Я так долго мечтала об этой работе, что, пройдя все первичные тесты и испытания, и, получив уведомление о собеседовании, я не поверила. Я не могла представить, что такое издательство мне по силам. Должность личного помощника попалась мне случайно. Окончив институт, я вообще не хотела работать, надеясь зарабатывать творчеством, но мои картины не поняли и не оценили, и я, переполненная несбывшимися мечтами, отправилась на сайт по поиску работы. Потому что лучший мотиватор для всего — это нужда. Вот так эта нужда заставила меня про-

листывать страницу за страницей в поиске хоть чего—нибудь. И вот, отчаявшись, мой взгляд случайно падает на рекламу издательства. Личный помощник, недалеко от дома, приличная зарплата, подходящее образование, вроде все как надо, одно было странно представить: себя на этой должности. Не знаю, откуда во мне взялись силы на отправку резюме, как я смогла пройти все тесты, но сегодня в это снежное утро, я стою напротив большого зеркала в ванной, дodelывая легкий макияж и собираясь на встречу с издателем А. С. Пороховым. Последние штрихи и последний взгляд на себя: сегодня я точно лучшая версия себя, глаза горят, а волосы природно рыжего цвета, уложены просто идеально. Девушка, смотрящая на меня по ту сторону отражения – сияла. Выйдя в темную парадную и вздохнув прохладный воздух любимого города, я точно знала, что получу должность. Уверенность в своих силах – запредельная. Я с абсолютной точностью готова сказать я – Александра Ежова, личный помощник издателя А. С. Порохова. И ничего не могло меня в этом переубедить.

Уверенным шагом, с любимой группой в наушниках и толстой папкой документов и достижений, я подошла к офису высотного здания. Я казалась такой ничтожной по сравнению с этим сооружением, мне пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть последний этаж. Где—то там, где—то высоко над облаками зарождается жизнь, там решаются судьбы. И если наша Вселенная безгранична и беско-

нечна, то маленькая копия меня смотрит сейчас на это же небо и мечтает наконец—то о работе, чтобы купить в магазине любимый ананас.

Спустя несколько минут металлическая коробка с зеркальным потолком неслась на всех порах куда—то высоко. У меня даже заложило уши. И я уже была не просто на земле, я парила, летела, как и все мое нутро трепетало от предстоящей встречи.

И это встреча случилась. После ожидания в коридоре, выпитого кофе я наконец была приглашена в светлое, просторное помещение, так не похожее на офис. Скорее это была гостиная какого—то богатого человека. Везде были книги в разных переплетах, популярных авторов и классиков. Нигде я не нашла признаков серьезного издателя, который целыми днями творит и создает. Все напоминало о бодром, любознательным, молодом авторе, который пишет то, что хочет, говорит этому миру то, что он хочет, думает, как хочет.

—Здравствуйте, простите, что заставил вас ждать, дела, дела, дела.

Находясь спиной к двери и не видя этого человека, я сразу почувствовала улыбку, а когда обернулась, то и увидела ее. А еще я увидела ярко голубые глаза, смотрящие кажется прямо в мою душу. С того момента отражение этих синих искр навсегда остались в моих очах. Они оставили на мне свой след и навечно приковали меня к себе.

Потухшие, пустые, безжизненные. Без твоего огня. Ты оставил меня. Но я слишком долго провела с тобой, я не знаю, как быть другой. Какого это видеть зеленый без отклика голубого. Глаза – отражение души. Можно ли сказать, что теперь тебя не осталось даже внутри меня. Ты остался лишь шрамом на коленке от прогулки в парке.

Это отражение в зеркале только напоминает, чего я поистине лишилась. Света. Мой внутренний огонь горел из—за тебя, больше некому поднести спичку.

Тут в доме как будто все по—старому, и от этого я начинаю злиться. Все также, время остановилось. Но это все иллюзия, очень плохая и грубая шутка, что ты вот—вот вернешься. Твоя зубная щетка летит на пол. И это прибавляет сил. За ней и бритва, и средства для ухода. Я бы разгромила весь дом, лишь бы не чувствовать это ощущение «». Потому что это ощущение – ты. Ты был моим домом, а это все лишь коробка со стенами без тебя. Хочется выбросить все твои вещи, сломать каждую твою любимую фигурку, просто чтобы не видеть эти отголоски тебя, но как бы я не старалась, сколько бы не крушила вещи – ты сидишь в моей голове, а не в этих ни в чем не повинных вещах. *дома*

Я не хочу быть здесь одна. Я вообще не хочу быть одна. А я все время одна. Потому что была только с тобой. У меня нет друзей, потому что это были твои друзья. У меня нет коллег, потому что я работала только с тобой. У меня нет семьи, потому что ты был моей семьей.

Медленно продвигаюсь по квартире, то и дело натываюсь на обломки нашего прошлого. Может быть лекарство от этой раны в сердце? Может кто—то расскажет мне, что мне делать?

Это звонок? Да, правда, телефон звонит. Артур? Несусь к источнику звука, не успеваю даже посмотреть на дисплей, только бы не отключились, жадно хватаю ртом воздух: «Артур?» На том конце лишь короткое «Нет». А дальше то и не важно. Не Артур. На этом можно было и закончить беседу, если бы я все—таки не расслышала знакомый голос.

— Саш, это я, Ян. Как там у вас дела?

— Ян?

— Да, это я. Все хорошо?

Нет, Ян, все нехорошо. Все очень нехорошо.

— Саш, ты чего молчишь? Он жив?

Жив, почти даже здоров, лежит, а может сидит, странно, впервые не знаю, что именно с ним.

— Не молчи, пожалуйста, не может быть. Он не может умереть. Саша?

— Да, Ян, он жив.

— Господи, как я испугался. Ты чего молчишь тогда? Как он? Ты в больнице все еще?

Рассказать? А как ему рассказать? Привет, знаешь, твой лучший друг и по совместительству мой самый дорогой и любимый человек очнулся, но есть небольшая проблема, он взял и забыл два года жизни, вычеркнул полностью ме-

ня из своей головы, последнее что он помнит брак с Аленой и свою старую машину. Нет, я не в больнице, я не могу этого вынести. Не могу видеть, что он с ней, целует ее, любит и помнит ее. А я никто, для него я лишь помощница в издательстве. Я не могу это принять. Мне больно, пусто и одиноко. Я плачу сутки, а слезы не останавливаются, сердце болезненно сжимается, когда же оно уже прекратит болеть. Я не могу находиться в нашем доме, где все напоминает о нем, я не могу даже находиться в собственном теле, потому что оно все помнит и каждую минуту напоминает места, где он меня целовал, где обнимал, а где ласкал. Вот такая история. Как там ты, как Москва, закончил дела? Когда возвращаешься?

– Что?

– Что, что?

– Саш, ты серьезно?

– Да, Ян, он не помнит два года.

– Эм... Ты как?

– Ян, я не могу ответить на этот вопрос. У меня нет ни чувств, ни сил.

– Ты не можешь его там оставить.

– Уверена, у него есть, кто может все рассказать.

– Но она не ты.

– Она не я, но ему нужна она.

– Он любит тебя, ему лишь надо это вспомнить.

– Сейчас он любит ее и Алису, для меня там нет места.

Наконец—то я сказала это вслух. Меня нет в его жизни, меня просто там нет.

– Ты должна помочь ему все вспомнить, рассказать и показать. Он все вспомнит, и все наладится.

– У меня нет сил, Ян.

– Ради него, Саш, ради вашей любви ты должна бороться. За вас двоих. Он любит тебя, так сильно как никого, я знаю это, я его лучший друг. Помоги ему выйти из тьмы.

А что мне делать? Как помочь, если он не знает меня. Почему он будет верить мне, почему он должен верить мне, а не его законной жене. Как его переубедить?

– Что мне делать, Ян? Как?

– Поговори, поговори с ним. Пока не поздно. Поезжай в больницу. Будь с ним его любимой Сашенькой. Держи меня в курсе, я задержусь еще в Москве, но скоро буду. Будь сильной для него.

Пик—пик—пик. И снова эта пустота вокруг. Снова одиночество, позабытое мной. Для борьбы нужны силы, но где мне их взять, да и как побороть ее?

Все начинать сначала. Но если он полюбил меня однажды, ему ведь надо просто вспомнить, найти ту часть себя, которая принадлежит мне. А мне лишь надо поднести спичку, чтобы озарить его темноту. Ведь я та самая, твоя, и только твоя. А ты только мой.

Невероятный поток энергии, непонятно какого происхождения, вдруг настиг меня. И все завертелось. И лишь одна

мысль в голове: «Мне надо к нему». Ключи, пальто, сумка, телефон. Скорей. Как можно скорей. К нему. В объятия. В сердце. Чтобы снова ощутить то единство, ведь он никогда меня не оставлял, как бы больно и тяжело нам не было. Он был рядом. А сейчас я буду рядом. Потому что не он должен стать героем моей сказки. Я должна стать его спасительницей. Выкрасть из темной башни, сразить дракона, и прожить вместе долго и счастливо. Скорей. Успеть. Обнять. Восстановить. Полюбить.

#####**Артур**

Сколько я простоял у окна – не знаю. Я все пытался наполнить себя этими лучами, потому что дыра в моей душе только разрасталась. Просто вычеркнуть из жизни два года невозможно, но я победил время и забыл эти приключения. Но почему—то в душе все равно пусто. Глупо надеяться, что лучи смогут залатать мои раны, но так хотелось чего—то теплого и родного. Не просто рядом, а внутри, чтобы пропитаться, зарядиться и почувствовать себя снова собой.

Кажется, что это солнце светило только для меня, только мне помогало встретить этот день, принять происходящее. Сигарету хочется. Да так, чтобы втянуть полные легкие, почувствовать этот сладкий дым, и чтоб перед глазами – лишь туман. С этой жизнью, как с сигаретой. Один раз попробуешь, и больше не захочешь жить без этого смога, который пропитает весь твой организм, весь твой образ, все твое нутро. Но только докурить, бросить и пойти дальше не вый-

дет. И все, что у тебя от нее останется, лишь пепел на пальцах. Самобичевание начало выходить из—под контроля, однако открытое окно подарило надежду, надежду на то, что не все еще потеряно. Ты дышишь, помнишь близких людей, ты жив. Ты снова сможешь все пережить, тебе лишь надо вспомнить. И я хочу вспомнить. Я должен вспомнить ради себя, своей семьи, ради всего—то, чего я лишился.

Когда дверь в палату отворилась, мне показалось на секунду, что это солнце, оно спустилось с неба и прямо сейчас смотрит в глаза. Но, сфокусировавшись, я увидел два карих огня, которые пристально наблюдали за мной. В ту минуту мне стало холодно. Я ощутил что—то кроме солнца, что стою голыми ногами на полу, что я в одной футболке и штанах, я понял— солнце больше не греет. Я чувствую дрожь. Я вижу твою улыбку, в которую когда—то влюбился на втором курсе института. Ты стоишь там вся такая красивая, стройная и с высоко поднятой головой. Но от тебя веет таким холодом. Может, потому что ты с улицы? Захвати мне немного солнца, я так по нему скучаю.

А ты все такая же, как и в моих воспоминаниях. Мне всегда казалось, что я рядом с тобой лишь тень, от тебя несло незримой уверенностью. Ты была первая во всех делах и начинаниях, если ты ставила себе цель, она непременно была достигнута. Порой я думал, что не нужен тебе, мне хотелось подарить всю ту любовь, которая горела во мне для тебя. И когда я перестал пробовать достучаться до тебя, нача-

лись наши проблемы. Возможно, это и была моя ошибка, я слишком много времени проводил на работе, брался за любую рукопись, ведь мне так нужно было доказать тебе, что ты сделала правильный выбор, сказ мне «да», в том нашем итальянском ресторанчике.

Все начало медленно рушиться, и оставался последний кирпич нашей когда—то дружной семьи, я держался за него как мог, но потом пришла первая слава, интервью, проекты, а дом стал на втором месте. Не было уже места, в который я бежал как можно скорей, мне больше не хотелось видеть твою улыбку, мне хотелось парить. Лететь за своей мечтой, ведь мечта стать тебе нужным – провалилась. Я всегда нуждался в тебе больше, чем ты во мне. И последняя деталь нашей семьи разрушилась, я понял, что вешаю себе тяжелый камень на шею. Я принял решение, что история Артура и Алены подходит к концу. Но спасение пришло откуда не ждали. Все эти годы мы безуспешно пытались стать родителями, казалось, вот оно то самое, что так нужно было тебе, мне, нам. А когда и перестали пытаться, перестала существовать наша семья. В один вечер, на нашем месте, за нашим столиком ты протянула мне конверт с тестом. Две полоски ярко вырисовывались на белом фоне. И мне показалось, что вот она та соломинка, что рано сжечь мосты, надо бороться, ведь в загсе мы поклялись быть вместе и в горе, и в радости. Началась пора радости.

Наша маленькая дочурка, так похожая на тебя, стала на-

шем чудом. И мы старались стать для нее лучшими родителями и подарить страну чудес. Однако оказалось, что эйфория от счастливого родительства проходит, и старые проблемы вновь проявляются. Кирпичик, на котором все держалось, не выдерживал. И мы пришли опять в точку, откуда начали. Походы к семейному психологу, переезд из спальни на диван, дополнительная работа, опустошение дома. Поэтому сейчас, глядя на такую уверенную и яркую улыбку на лице Алены, мне показалось, что мои воспоминание стары и неправдивы. Она здесь, рядом, значит мы смогли, мы прошли этот путь и выстроили нашу семью заново. Я не помню два года, но сейчас я уверен, что они прошли успешно, и я заново полюбил свою жену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.